

УДК 94(470.47)

ОТ ДЕКРЕТА ДО РАЗГОНА: ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ БУДДИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ «ЦАНИТ-ЧОРЕ»).

ЧАСТЬ I. — 1920-е гг.

Бадмаева Екатерина Николаевна

доктор исторических наук, доцент,

директор Международного научно-исследовательского центра

«Ойраты и калмыки на евразийском пространстве»

Калмыцкого государственного университета им. Городовикова

E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

А н н о т а ц и я

В статье на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов рассматривается процесс закрытия высшей буддийской философской школы «Цанит-Чоре» (Цаннид-Чойра) в Калмыцкой автономной области в 1920-е г. Исследование базируется на комплексе документов из фондов ГАРФ и НАРК, включающих протоколы духовных съездов, уставные документы, делопроизводственную переписку и постановления советских органов. Анализ этих материалов позволяет реконструировать сложную картину взаимодействия буддийского духовенства, верующих мирян и советской власти в переломный период российской истории. Показано, что закрытие школы не было единовременным актом или результатом прямого директивного запрета, а представляло собой многофакторный процесс, в котором переплелись экономические трудности постреволюционного периода, внутренние противоречия в буддийской среде (раскол на консерваторов и обновленцев), последовательное административное давление и систематическая идеологическая борьба. Особое внимание уделяется противоречию между формальным декларированием свободы вероисповедания в советском законодательстве и фактическими мерами, направленными на ликвидацию буддийских образовательных институтов. Автор приходит к выводу, что судьба Цанит-Чоре стала показательным примером того, как религиозные образовательные традиции оказались разрушены под воздействием совокупности внешних и внутренних факторов в условиях раннесоветского государства.

К л ю ч е в ы е с л о в а

Буддизм в Калмыкии, Цанит-Чоре, буддийская философская школа, советская религиозная политика, духовенство, хурулы, 1920-е гг.

UDC 94(470.47)

FROM DECREE TO DISPERSAL: THE EVOLUTION OF SOVIET RELIGIOUS POLICY TOWARD BUDDHIST EDUCATION (THE CASE OF “TSANIT-CHORE”). PART I. — THE 1920s.

Ekaterina N. Badmaeva

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor,
Director of the International Research Center «Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space»
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russian Federation
E-mail: en-badmaeva@yandex.ru

Annotation

Based on archival materials introduced into scholarly circulation for the first time, this article examines the process of the closure of the higher Buddhist philosophical school “Tsanit-Chore” (Tsannid-Choyra) in the Kalmyk Autonomous Oblast in the 1920s. The research is grounded in a body of documents from the holdings of the State Archive of the Russian Federation (GARF) and the National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK), including protocols of spiritual congresses, charter documents, administrative correspondence, and resolutions of Soviet bodies. Analysis of these materials allows for the reconstruction of the complex picture of interaction between the Buddhist clergy, lay believers, and Soviet authorities during a turning point in Russian history. It is shown that the closure of the school was not a single act or the result of a direct prohibitive directive, but rather a multifactorial process in which the economic difficulties of the post-revolutionary period, internal contradictions within the Buddhist community (a split between conservatives and renovationists), consistent administrative pressure, and systematic ideological struggle were all intertwined. Particular attention is paid to the contradiction between the formal declaration of freedom of religion in Soviet legislation and the actual measures aimed at the elimination of Buddhist educational institutions. The author concludes that the fate of Tsanit-Chore became a telling example of how religious educational traditions were destroyed under the combined influence of external and internal factors in the early Soviet state. on a set of documents

Key words

Buddhism in Kalmykia, Tsanit-Chore, Buddhist philosophical school, Soviet religious policy, clergy, khuruls, 1920s.

ВВЕДЕНИЕ

Высшие буддийские философские школы (Цанит-чоре, Цанид-чойра, Чойра) представляли собой уникальное и во многом феноменальное явление в истории калмыцкого буддизма начала XX столетия. Созданные в период религиозного возрождения при активном участии выдающегося бурятского хамбо-ламы Агвана Доржиева, они стали подлинными центрами подготовки высших священнослужителей, где на протяжении 21 года последовательно изучались пять основных философских дисциплин: Цадма (эпистемология), Парчин (логика и теория познания), Ума (философия мадхьямаки «Учение о срединном пути»), Зод (философия абхидхармы) и Дулба (монашеская дисциплина «виная»). Всего в Калмыцкой степи было открыто две такие школы: в 1907 г. в Малодербетовском улусе (при Малодербетовском хуруле) и в 1908 г. в Икицохуровском улусе. Эти академии стали не только центрами философского образования, но и важными очагами сохранения и трансляции буддийской культурной традиции, письменности, книжной культуры и канонического знания.

Цель настоящей статьи — на основе анализа комплекса архивных документов, впервые вводимых в научный оборот, реконструировать полную картину процесса закрытия высшей буддийской философской школы Цанит-Чоре в Калмыкии в 1920-е гг. Задачи исследования включают выявление основных этапов и факторов процесса ликвидации школы; анализ позиций и стратегий поведения буддийского духовенства, верующих мирян и советских органов; рассмотрение противоречий между декларируемой свободой вероисповедания и фактическими мерами по ограничению деятельности буддийских образовательных институтов.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 г. по 1929 г. — от первых послереволюционных попыток адаптации школы к новым условиям до ее фактического прекращения существования.

ОБСУЖДЕНИЕ

После революции 1917 г. и установления советской власти в Калмыкии эти учебные заведения оказались в эпицентре радикальных политических и идеологических преобразований. Историография вопроса, представленная работами А. И. Андреева (1992), Г. Ш. Дорджиевой (2010), Э. У. Омакаевой (1994), Б. В. Очировой (2009) и др., преимущественно фиксирует факт закрытия школ в конце 1920-х–1930-х гг. как результат целенаправленной антирелигиозной политики советского государства. Новейшие исследования К. Н. Максимова (2018), Е. Н. Бадмаевой (2025), И. И. Мучаевой (2026), опирающиеся на вновь выявленные архивные материалы, существенно раздвигают глубину и проблемное поле исследований, позволяя по-новому взглянуть на механизмы взаимодействия буддийских институтов и советской власти. Однако конкретные механизмы, этапы и внутренние противоречия процесса ликвидации философских школ остаются недостаточно изученными. В частности, требуется более детальное рассмотрение вопросов экономической несостоятельности буддийских общин как фактора закрытия школ,

внутреннего раскола в буддийской среде и его использования советскими органами, а также соотношения формально-правовых норм и реальной практики реализации религиозной политики.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ

Настоящая статья основана на анализе широкого корпуса архивных документов, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Национального архива Республики Калмыкия (НАРК). Эти материалы, многие из которых вводятся в научный оборот впервые, позволяют проследить историю Цанит-Чоре в 1921–1929 гг. с максимальной полнотой и достоверностью — «изнутри», глазами самого духовенства, верующих и местных советских органов, а также в контексте общегосударственной политики в отношении религиозных институтов.

Основу источниковой базы исследования составили несколько групп документов. Во-первых, это материалы высших органов власти Калмыцкой автономной области: протоколы заседаний Президиума ЦИК и Калмыцкого облисполкома, постановления, циркуляры и распоряжения, отражающие нормативно-правовое регулирование деятельности буддийских общин и образовательных учреждений. Во-вторых, важнейшее значение имеют документы духовных съездов калмыцкого народа — Духовного съезда 1923 г. и V Духовного съезда 1925 г., которые фиксируют позицию буддийского духовенства, дискуссии о путях сохранения и реформирования буддийских институтов, а также попытки выработки единой стратегии выживания в новых политических условиях. В-третьих, в работу вовлечены уставные документы: Устав о философской школе «Цаннит-Чоре», утвержденный в 1924 г., и Положение об управлении духовными делами верующих калмыков-буддистов, которые позволяют реконструировать формально-правовые основы функционирования школы и степень их соответствия реальной практике. В-четвертых, проанализированы протоколы собраний верующих мирян, заявления и ходатайства религиозных общин, которые раскрывают экономическую несостоятельность содержания школ и внутренние конфликты между духовенством и мирянами. В-пятых, привлечены документы партийных органов: материалы Антирелигиозной комиссии ОК ВКП(б), секретные письма, предписания и докладные записки, раскрывающие механизмы идеологического давления и административного контроля.

Методологически исследование строится на принципах историзма и объективности, предполагающих рассмотрение событий в их конкретно-историческом контексте, без упрощенных оценок и телеологических схем. Используется комплекс методов: сравнительно-исторический анализ для сопоставления различных этапов и аспектов процесса; системный подход, позволяющий рассматривать закрытие школы как результат взаимодействия внешних (государственная политика, экономические условия) и внутренних (расколы, противоречия) факторов; микроисторический анализ конкретных документов и отдельных случаев, позволяющий увидеть за статистикой и постановлениями живые человеческие судьбы и реальные мотивы действий участников событий. Такой методологический подход позволяет избежать критических оценок, представляя многомерную картину исторического процесса,

где экономическая необходимость, политическое давление, идеологическая борьба и внутренние распри в буддийской среде переплетались в сложный узел противоречий, приведших к ликвидации уникальной образовательной традиции.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Буддийская академия в системе советского административного регулирования (1921–1923 гг.)

Первые послереволюционные годы для Цанит-Чоре характеризовались попытками адаптироваться к новым условиям при одновременном сохранении образовательной функции. Протокол заседания съезда представителей буддийского духовенства и верующих мирян, датированный 1921 г., фиксирует основные проблемы, стоявшие перед школой: реквизиция духовных материалов и имущества военными частями, призыв гелюнгов на трудовую мобилизацию и необходимость продолжения образования учеников «Цанит-Чоре» на Дальнем Востоке. В своем докладе А. Доржиев подчеркнул: «в данный момент среди калмыков, особенно буддийского духовенства, есть стремление поехать в Тибет и Монголию, для получения образования, также сохранить прежние национально-религиозные связи» (ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 9. Д. 42. Л. 3).

Показательно, что съезд постановил ходатайствовать перед Народным комиссариатом земледелия и Народным комиссариатом юстиции о выделении строительных материалов на ремонт хурулов и о разрешении свободного проезда ученикам для продолжения образования в дальневосточных буддийских школах. Это свидетельствует о том, что в начале 1920-х г. духовенство еще питало надежду на сохранение образовательной традиции и искало пути легитимного функционирования в новых политических условиях, используя доступные правовые механизмы (ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 9. Д. 42. Л. 1–1об). Так, за подписью Уполномоченного Правительства Тибета Хамбо А. Доржиева на имя Наркома по делам национальностей поступил документ: «Прошу Вас тов. Сталин не отказать в Вашем авторитетном содействии: 1. Освобождением калмыцкого духовенства от трудовой мобилизации, его имущества и транспортных средств от реквизиции; 2. Указание поддержки в отпуске для ремонта хурульных зданий строительных материалов и денежных средств» (ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 9. Д. 42. Л. 2).

Однако уже в этот период наметились тревожные тенденции. Вопрос о реквизиции имущества и мобилизации духовных лиц свидетельствовал о том, что советская власть рассматривала буддийские институты прежде всего как хозяйственные единицы, подлежащие учету, контролю и изъятию излишков, а не как религиозно-образовательные учреждения, заслуживающие особого статуса или защиты. Это отношение, коренившееся в марксистско-ленинском понимании религии как «опиума для народа», предопределяло будущее всех конфессиональных образовательных структур в стране.

Духовный съезд 1923 года: попытка институционализации

19 декабря 1923 года в урочище Кецин-Бурук («Цанит-Чоре») состоялся Духовный съезд Калмыцкой автономной области, ставший важнейшей вехой в истории калмыцкого буддизма и попыткой институционализировать буддийские структуры

в рамках нового советского законодательства. В его работе приняли участие 72 представителя духовенства и 70 верующих мирян. В президиум были избраны представитель Тибета Агван Доржиев, Шараб Тепкин и другие видные деятели буддийской иерархии.

Съезд рассмотрел широкий круг вопросов: отчет Ламы калмыцкого народа, Положение об управлении духовными делами, Устав о внутренней жизни монашествующих, вопрос о сокращении числа хурулов, учреждение отделений Цанит-Чоре в улусах и выборы Ламы. Особого внимания заслуживает решение о сокращении числа хурулов «с тем, чтобы в каждом аймаке был только один аймачный волостной хурул» (НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 13). Это решение, формально направленное на оптимизацию религиозной жизни и концентрацию ресурсов, фактически означало начало процесса централизации и сокращения буддийской инфраструктуры, что впоследствии сыграло на руку государственной политике по ограничению числа культовых объектов.

Важнейшим итогом съезда стало принятие Устава о философской школе «Цанит-Чоре», утвержденного Президиумом ЦИК 21 марта 1924 года. Устав детально регламентировал образовательный процесс: срок обучения составлял 21 год, изучались пять философских дисциплин, предусматривалась система диспутов («Покиток») и экзаменов. Согласно ст. 1 Устава, в школу принимались лица не моложе 18 лет, принявшие духовный обет (НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 508а. Л. 59об). Особого внимания заслуживает ст. 14 Устава, провозглашавшая стремление к изучению религиозных наук на родном языке: «Для восприятия религиозных наук, как родную культуру, стремиться к изучению таковых на родном языке, в этих целях должны быть проведены Центральным Советом мероприятия по переводу и изучению философских и других наук на калмыцком языке» (НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 508а. Л. 60). Это положение отражало стремление буддийского духовенства к сохранению национальной культурной идентичности в новых условиях, что вступало в противоречие с политикой советской власти по унификации и идеологическому контролю.

Тем не менее в 1923 г. информационный отчет представителя Наркомнаца Марбуша И. В. фиксировал тревожную динамику: в буддийской философской академии Чоре в текущем году обучалось лишь 60 чел. вместо 200 ранее, и «по статистике «Чоре» с каждым годом уменьшается» и «рискует через ряд лет сильно сократиться» (НАРК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 19). Это свидетельствовало о системном кризисе, который не могла преодолеть даже столь детальная правовая регламентация.

Экономический фактор: закрытие отделений по инициативе верующих

Парадоксальным образом одним из наиболее действенных факторов сокращения сети философских школ стала экономическая несостоятельность самих буддийских общин. Протоколы собраний верующих 1924 г. рисуют картину, резко контрастирующую с официальными отчетами духовенства и демонстрирующую глубину материальных проблем калмыцкого крестьянства в постреволюционный период.

14 июля 1924 г. на общем собрании верующих Багацхуровского аймака Яндыко-Мочажного улуса председатель Басангов Э.-Г. констатировал: «в прошлом году, т.е. в 1923 г. была образована Чёря, т.е. школа духовенства в Гендинском хуруле

Яндыко-Мочажного улуса, но результатов никаких нет, только один расход... население не в силах покрыть расходы и еще раз напоминаю: от Чёря никакой пользы нет» (НАРК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 552. Л. 211). Собрание единогласно постановило Чоря ликвидировать и закрыть. Аналогичное решение было принято собранием Ики-Багутовского религиозного общества, которое постановило ликвидировать существующий хурул «Чоря», «принимая во внимание бедственное материальное положение» (НАРК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 552. Л. 213).

Эти документы показывают, что закрытие отделений философской школы в значительной степени было обусловлено объективными экономическими причинами — разорением калмыцкого крестьянства в годы Гражданской войны и послереволюционной разрухой, неурожаями, высокими налогами и невозможностью содержать учебные заведения и духовенство. Однако за этой экономической аргументацией скрывался и более глубокий конфликт между церковной иерархией, стремившейся к расширению сети школ, и рядовыми верующими, обремененными поборами. В заявлении в ЦИК от заместителя Ламы Чмпеля Васлиева от 30 июля 1924 г. содержится просьба об утверждении Устава об открытии отделения «Чоре» в Яндыко-Мочажном улусе (НАРК. Ф.Р-3. Оп. 2. Д. 552. Л. 216). Однако ЦИК, учитывая «отрицательное отношение населения Яндыко-Мочажного улуса к открытию в улусе отделения «Чоре», отказал в утверждении устава.

Таким образом, к середине 1920-х гг. сложилась парадоксальная ситуация: руководство буддийской церкви стремилось расширить сеть философских школ, а верующие, обремененные налогами и поборами, выступали за их закрытие. Это противоречие между церковной иерархией и рядовыми верующими стало одной из ключевых причин ослабления буддийских институтов изнутри, делая их уязвимыми для внешнего давления.

Противостояние консерваторов и обновленцев

Документы Антирелигиозной комиссии ОК ВКП(б) от 15 января 1929 г. вскрывают еще один важный аспект кризиса калмыцкого буддизма — раскол на консервативное и обновленческое течения. Согласно докладу, «среди Калмыцкого духовенства существуют два вида не оформленных течений, основанных на учении буддизма, так называемых консервативное и обновленческое» (НАРК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 291 Л. 66). Различия касались прежде всего вопроса о доходах духовенства. Консерваторы считали, что средства, полученные гелюнгом от выполнения треб, являются его личной собственностью. Обновленцы же придерживались порядка сдачи средств в общую кассу «Джасс». При этом «административно-управленческий духовный аппарат в Калмыцкой области как в центре (Чоре), так и на местах в улусах и аймаках находится в руках обновленцев» (НАРК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 291 Л. 66), однако консерваторы составляли подавляющее большинство.

Этот раскол имел далеко идущие последствия. Как справедливо отмечает исследователь Бадмаева, «непримиримая борьба между консерваторами и обновленцами в конечном счете привела к общему ослаблению буддизма в Калмыкии... учитывая тотальное неприятие большевиками религии, теперь ясно, что усилия ни одной из групп не могли бы привести к расцвету буддизма» (1917: 123). Советская власть умело использовала этот раскол в своих целях. Обновленческое движение,

формально более лояльное к советской власти, создавало видимость реформирования буддизма, но на деле лишь ослабляло его изнутри, размывая традиционные устои. В то же время налоговое обложение строилось по дифференцированному принципу: консерваторов облагали индивидуально, обновленцев — с общей кассы «Джасс», что позволяло финансовым органам более эффективно контролировать доходы духовенства и изымать средства.

Административное давление и борьба с «несовершеннолетними манджиками»

Важным инструментом давления на буддийские образовательные институты стало исполнение Устава о внутренней жизни монашествующих, в частности, запрета на принятие в манджики (послушники) лиц моложе 18 лет. 29 июля 1924 г. начальник милиции Калмыцкой области Камышев обратился в Президиум ЦИК с заявлением о том, что из 2484 человек духовенства 990 составляют манджики, не достигшие 18-летнего возраста, что является нарушением ст. 2 Устава (Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 116). Однако 3 января 1925 года председатель ЦИК Маслов разослал циркуляр, в котором признал возможным «лицам, имеющим от роду менее 18 лет и посвященных в этот сан до 1 января с.г., дать возможность оставаться в составе монашествующих, только при условии добровольной воли на то их и их родителей» (НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 120). Это решение демонстрировало определенную гибкость советской власти в первые годы после утверждения устава.

Однако к концу 1920-х гг. ситуация ужесточилась. Протокол Антирелигиозной комиссии от 26 апреля 1929 г. предписывал «всех принятых с 1/1-23 г. не достигших совершеннолетия к моменту поступления считать подлежащим удалению из хурулов» (НАРК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 291 Л. 66), а лиц, допустивших принятие несовершеннолетних, привлекать к ответственности. В секретном письме в АППО ЦК ВКП(б) от 25 января 1929 г. секретарь обкома Джалыков отмечал неясность ситуации: «Официального указания ВЦИКа на этот счет у нас нет. Отсюда на местах складывается неясность, с какого же года вступления несовершеннолетних манджиков надо считать подлежащим увольнению — с 1923 г., или 1924 г., или, наконец, с 1927 года» (НАРК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 291 Л. 67). Обком просил утвердить директиву об увольнении всех манджиков, вступивших после 1923 г.

Эта кампания имела катастрофические последствия для системы буддийского образования. Поскольку философская школа Цанит-Чоре готовила священнослужителей с детства, начиная обучение в раннем возрасте, запрет на обучение несовершеннолетних фактически подрывал саму возможность воспроизводства буддийской образовательной традиции. Система, строившаяся на многолетней преемственности, оказалась разрушена одним административным решением.

Пятый Духовный съезд (1925): последняя попытка сопротивления

22–23 сентября 1925 г. в Цанит-Чоре состоялся V Духовный съезд калмыцкого народа, ставший важнейшим свидетельством кризиса буддийской школы и последней попыткой духовенства найти путь к выживанию в новых условиях. В работе съезда приняли участие 86 делегатов, включая представителя Тибета Хамбо Агвана Доржиева, Ламу калмыцкого народа Баслиева Чемпеля и членов Центрального Духовного Совета (НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 122).

Ключевым вопросом повестки стало обсуждение слияния хурулов. Докладчик Олджаев предложил сократить число хурулов, оставив лишь молитвенные храмы с тремя-четырьмя гелюнгами, а остальных духовников собрав в аймачные хурулы. Однако делегаты–миряне категорически отказались принять это предложение, ссылаясь на «существующий декрет, где разрешается верующим людям организовать общину хурула» (НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 122об). Хамбо Доржиев выступил с программной речью, в которой предостерегал от расширения сети хурулов: «граждане миряне кажется Вам видно и слышно куда делось шестидесятитысячное монашество Российской Империи. Но благодаря предпочтительности Советской Власти все же наше монашество существует под видом хурулов и буддийской школы философии Цанит-Чере. Я понимаю, что хорошо было бы удовлетворить просителей расширения сети хурулов, но считают расширение таковой как бы не привело нас к гибели» (НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 123).

Эта речь Хамбо А. Доржиева, одного из наиболее влиятельных буддийских иерархов того времени, отражала глубокое понимание опасностей, угрожавших буддизму в условиях советской власти. Он фактически призывал к самоограничению и концентрации ресурсов для выживания, однако его аргументы не встретили понимания у рядовых верующих, для которых хурулы были не просто административными единицами, а центрами духовной жизни. Голосование показало глубокий раскол: за сохранение хурулов проголосовало 13 человек, за молитвенные дома — только один. Съезд не смог принять согласованного решения, и вопрос остался неразрешенным. Данный документ (протокол съезда) убедительно демонстрирует, что к середине 1920-х гг. буддийское сообщество Калмыкии оказалось в состоянии глубокого кризиса, будучи неспособным к выработке единой стратегии выживания перед лицом нарастающего давления.

Идеологическое давление и изъятие ценностей

Помимо административных и экономических мер, советская власть активно использовала идеологическое давление и материальные реквизиции. 28 марта 1929 г. Президиум Калмыцкого облисполкома принял постановление об учете и изъятии лома цветных металлов, находившихся во временном пользовании религиозных обществ. Изъятию подлежали «неосвященные» колокола, паникадила, подсвечники, чаши и т.п., а также «разбитые колокола, паникадила, подсвечники, чаши», даже если они были «освященными». Эта кампания, формально мотивированная нуждами металлопромышленности в условиях индустриализации, фактически представляла собой систематическое разграбление буддийских храмов, лишая их материальной базы и культовых предметов. Как отмечается в исследовательской литературе, «реквизиторские акции окончательно подорвали экономическое положение без того небогатых хурулов и церквей Калмыкии» (Бадмаева, 2009: 110).

Одновременно усиливалась антирелигиозная пропаганда. В 1928 г. заместитель секретаря ОК ВКП(б) Церенов предписывал Яндыковскому укому «парализовать» тенденцию духовенства к организации отделения «Чёре», для чего предлагалось: обсудить во всех ячейках вопрос о разъяснительной работе против сбора средств; на собраниях бедноты добиваться отказа от поддержки духовенства; добиваться, чтобы трудящиеся «ни одной копейки не давали на постройку Чёре и ее содержание» (НАРК. Ф.П.-1. Оп.1. Д. 291. Л.88).

Таким образом, к концу 1920-х гг. сложилась целостная система мер, направленных на ликвидацию буддийского образования: экономическое удушение через налоги и изъятие имущества, административные запреты, идеологическая обработка населения и использование внутренних противоречий в буддийской среде.

Судьба академии «Чоре» и ее наследие

К 1929 г. высшая буддийская философская школа Цанит-Чоре оказалась в критическом положении. Как свидетельствуют архивные материалы, нормальный учебный процесс сохранялся вплоть до 1932 г., однако с середины этого года местные власти запретили населению продавать школе топливо, что вынудило большинство учащихся–лам покинуть академию. Впоследствии помещения школы были переданы совхозу, а в здании, где размещалась школа тибетской медицины, открыли пекарню; находившиеся там книги и культовые предметы самовольно переместили в храм Чойра (НАРК. Ф.Р-131. Оп. 3. Д. 24. Л. 23).

Полномочный представитель Тибета в СССР Хамбо А. Доржиев в своем обращении в центральные органы власти квалифицировал эти действия как «серьезное гонение со стороны местных организаций» и просил принять меры к пресечению подобных нарушений и обеспечению возможности нормального продолжения занятий для оставшейся группы лам (НАРК. Ф.Р-131. Оп. 3. Д. 24. Л. 24).

В письме Доржиева, адресованном председателю ЦИК СССР М. И. Калинину, содержалась развернутая критика административных методов проведения антирелигиозной политики. Апеллируя к конституционному принципу отделения церкви от государства и декларируемой свободе вероисповеданий, он отмечал, что законы Советского государства не предусматривают уничтожения религии насильственными, административными мерами. Вместе с тем, по его наблюдениям, в Бурят-Монгольской АССР и Калмыцкой области местные власти систематически прибегали к таким методам (НАРК.Ф.Р-131. Оп. 3. Д. 24.Л. 3,4,5).

В качестве конкретных проявлений репрессивной политики Доржиев выделял массовые аресты и ссылки лам, не имевших, по его утверждению, предосудительных организаций и не вмешивавшихся в управленческие дела; обложение земельных участков, на которых находились храмы и монастыри, непосильной земельной рентой, а также завышенное налогообложение самих культовых строений; принудительные работы для лам, включая лиц старше 55 лет, без обеспечения пропитанием и на сроки, многократно превышавшие заявленные; лишение лам возможности приобретать товары первой необходимости в кооперации и запрет частным лицам снабжать их одеждой и пищей (НАРК. Ф.Р-131. Оп. 3. Д. 24.Л. 13, 13об., 14).

Особо подчеркивалось, что налоги взимались даже при отсутствии у духовенства реальных доходов, а при невозможности уплаты у них отбирались жилища и личное имущество. В связи с этим Доржиев ходатайствовал о смягчении положения духовенства, предоставлении ему небольших земельных участков для покосов и огородов, а также права иметь лошадь и корову для личного пользования (НАРК. Ф.Р-131. Оп. 3. Д. 24. Л. 16).

Данное обращение, датированное 25 декабря 1932 г., представляет собой не только свидетельство отчаянной попытки буддийской иерархии отстоять остатки образовательной и культовой инфраструктуры, но и документ, вскрывающий механизмы системного административного давления на религиозные институты.

Показательно, что Доржиев акцентирует не столько идеологические расхождения, сколько экономическое удушение общин и прямые нарушения формальных правовых норм, что указывает на двойственный характер советской религиозной политики: при сохранении конституционных деклараций на местах фактически проводилась линия на искоренение буддизма хозяйственно-административными средствами.

Дополнительным подтверждением этой тенденции служат материалы о переносе хурула в Ики-Чоносовском аймаке в 1927 г. Секретарь ЦИК Кануков Х. Б. в своем заключении назвал инициаторов переноса «отдельными находящимися под религиозным дурманом старичками-фанатиками», а сам перенос — «не только нецелесообразным, но политически недопустимым», поскольку новое место являлось «лучшим уголком», находившимся в пользовании трудящихся крестьян (НАРК. Ф. Р-3. Оп.2. Д. 790. Л. 40). Эта риторика демонстрирует, что даже попытки консервации культовых объектов в измененном виде трактовались властью как политически вредные и подлежащие пресечению.

Таким образом, судьба Цанит-Чоре в начале 1930-х гг. стала логическим завершением тех процессов, которые наметились еще в середине 1920-х: школа утратила материальную базу, кадровый состав и возможность легального функционирования, а ее культурное и образовательное наследие было либо уничтожено, либо присвоено государственными структурами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод, что закрытие буддийской философской школы Цанит-Чоре в Калмыкии в 1920-е гг. было сложным и многофакторным процессом. Его нельзя свести ни к простому «гонению на религию», ни к исключительно экономическим причинам, ни к внутренним распрям в буддийской среде. Это был результат взаимодействия целого комплекса факторов, где внешнее давление накладывалось на внутренние противоречия, а экономическая необходимость переплеталась с политической целесообразностью.

Можно выделить несколько взаимосвязанных факторов, приведших к ликвидации школы:

– Экономический фактор. Разорение калмыцкого крестьянства в послереволюционный период, высокие налоги и поборы сделали содержание философских школ непосильным для верующих. Парадоксальным образом именно сами миряне нередко выступали инициаторами закрытия отделений Цанит-Чоре, руководствуясь соображениями экономической целесообразности и невозможностью содержать многочисленное духовенство. Этот фактор, часто недооцениваемый в исследованиях, посвященных религиозной политике, играл ключевую роль в сокращении сети буддийских школ на местном уровне.

– Внутренние противоречия в буддийской среде. Раскол на консерваторов и обновленцев, разногласия по вопросу о доходах духовенства, а также конфликт между церковной иерархией и рядовыми верующими ослабляли буддийские институты изнутри, делая их уязвимыми для внешнего давления. Советская власть умело использовала этот раскол, поддерживая обновленцев как более лояльную и контролируемую силу.

– Административное давление советской власти. Исполнение устава о запрете на принятие несовершеннолетних манджиков, дифференцированное налоговое обложение, изъятие церковных ценностей, запрет на сбор средств — все эти меры были направлены на систематическое подрывание материальной и кадровой базы буддийского образования. Административные решения последовательно перекрывали все возможности для легального функционирования школ.

– Идеологическая борьба. Антирелигиозная пропаганда, работа с беднотой, использование раскола в буддийской среде, создание негативного образа духовенства в средствах массовой информации — все это создавало атмосферу, в которой существование религиозных образовательных институтов становилось невозможным. Идеологическая обработка населения постепенно формировала общественное мнение, враждебное к буддийскому образованию.

Важно отметить, что советская власть формально декларировала свободу вероисповедания. На V Духовном съезде Хамбо Доржиев даже заявлял, что «лишь в Союзе Советских Социалистических Республик имеется и осуществляется возможность для дальнейшей свободы всех вероучений» (НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 122). Однако эта декларация вступала в вопиющее противоречие с реальной практикой, направленной на планомерную ликвидацию буддийских институтов. Свобода вероисповедания трактовалась узко — как свобода отправления культов, но не как свобода религиозного образования, воспитания и трансляции традиции.

Таким образом, история закрытия Цанит-Чоре представляет собой яркий пример того, как в условиях раннесоветского государства религиозные институты оказались между молотом экономической необходимости и наковальной политического давления, будучи не в состоянии сохранить свою образовательную традицию в новых исторических условиях. Эта история — не просто факт локальной религиозной политики, но часть более широкого процесса разрушения традиционных институтов и культурных форм в ходе советской модернизации, последствия которого ощущаются до сих пор. Уроки этого процесса остаются актуальными и сегодня, напоминая о хрупкости культурных традиций перед лицом системного давления и о важности сохранения образовательной преемственности для выживания любой культурной традиции.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям — грант «Академия Чойра: вековые традиции буддийского образования в калмыцкой степи XIX — начала XX века» (Договор №42 от 25.05.2026 г.)

ACKNOWLEDGEMENTS AND FUNDING

The work was supported by the Foundation for the Promotion of Buddhist Education and Research — grant «Choyra Academy: Age-old Traditions of Buddhist Education in the Kalmyk Steppe of the 19th — Early 20th Centuries» (Agreement No. 42 dated May 25, 2026).

Источники и литература

Андреев, А. И. (1992). О закрытии высшей буддийской конфессиональной школы цаннид Чойра в Калмыкии. Письмо А. Доржиева председателю ЦИК СССР М.И. Калинину. *Orient–Альманах. «Буддизм в России»*. СПб. 1. 152–158.

Бадмаева, Е. Н. (2025). Партийно-государственное наступление на буддийские институты Калмыкии в 1917–1924 гг.: причины и специфика. *Nomadic civilization: historical research*. 5. 21–34. DOI: 10.53315/2782-3377-2025-5-3-21-34.

Бадмаева, Е. Н. (2009). Религиозная политика советского государства в период гэпа: на примере Калмыцкой автономной области. *Научные ведомости Белгородского университета: История. Политология. Экономика. Информатика*. 1 (56). 107–113.

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 9. Д. 42. Л. 1–1об.

ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 9. Д. 42. Л. 2.

ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 9. Д. 42. Л. 3.

Доржиева, Г. Ш. (2010). Высшие конфессиональные буддийские школы Цанит-Чоре в Калмыкии. *Orient–Альманах. «Буддизм в России»*. СПб. 11. 43. 114–124.

Максимов, К. Н. (2018). Репрессии против буддийского духовенства — носителей национальной идеологии и духовности. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 3. (56). 23–29.

Мучаева, И.И. (2026). «Я хочу рассказать правду»: административно-репрессивный и идеологический векторы антибуддийской кампании в Калмыкии (1930-е гг.) в контексте микроисторического анализа. *Клио*. 3 (231). Март. 171–176.

Национальный архив Республики Калмыкия (далее — НАРК). Ф. Р.-3. Оп. 2. Д. 1250. Л. 3.

НАРК. Ф. Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 13–14 об.

НАРК. Ф. Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 19.

НАРК. Ф. Р.-3. Оп. 2. Д. 508а. 59об., 59об., 61, 61об.

НАРК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 291. Л. 66.

НАРК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 291. Л. 67.

НАРК. Ф.П-1. Оп. 1. Д. 291. Л. 88.

НАРК. Ф.Р.-116. Оп. 1. Д. 152. Л. 6–11.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 114, 114об., 115.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 119об.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 120.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 509. Л. 122, 122об., 123.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 552. Л. 216.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 552. Л. 236.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 552. Л. 19.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 552. Л. 211.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 552. Л. 213.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 790. Л. 39–39об.

НАРК. Ф.Р.-3. Оп. 2. Д. 790. Л. 40.

Омакаева, Э.У. (1994) Агван Доржиев и калмыцкие паломники. *Национальная интеллигенция и духовенство: истоки и современность: Материалы республиканской научной конференции*. Улан-Удэ: Б.и. 127–128.

Очирова Б. В. (2009). Из истории высших буддийских философских академий «Чойра» в Калмыкии в первой трети XX в. *Вестник Бурятского государственного университета*. 8. 48–55.

Badmaeva E.N. (2017). Accelerated “solution of the religious question” by the party-state apparatus in Kalmykia (1917–1924). *New Historical Bulletin*. 3 (53). 116–127.

References

Andreev, A. I. (1992). On the closure of the higher Buddhist confessional school Tsannid Choira in Kalmykia. Letter from A. Dorzhiev to the Chairman of the Central Executive Committee of the USSR M. I. Kalinin. *Orient-Almanac. «Buddhism in Russia»*. St. Petersburg. 1. 152–158 (*in Russian*).

Badmaeva, E.N. (2017). Accelerated “solution of the religious question” by the party-state apparatus in Kalmykia (1917–1924). *New Historical Bulletin*. 3 (53). 116–127 (*in English*).

Badmaeva, E.N. (2009). Religious policy of the Soviet state during the NEP period: a case study of the Kalmyk Autonomous Oblast. *Scientific Bulletin of Belgorod State University: History, Political Science, Economics, Informatics*. 1 (56). 107–113 158 (*in Russian*).

Badmaeva, E. N. (2025). Party-state offensive against Buddhist institutions of Kalmykia in 1917–1924: causes and specifics. *Nomadic civilization: historical research*. 5. 21–34. DOI: 10.53315/2782-3377-2025-5-3-21-34 (*in Russian*).

Dorzhieva, G. Sh. (2010). Higher confessional Buddhist schools Tsanit-Chore in Kalmykia. *Orient-Almanac. «Buddhism in Russia»*. St. Petersburg. 11. 43. 114–124 (*in Russian*).

State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 1318. Op. 9. D. 42. Ll. 1–1 ob.

GARF. F. 1318. Op. 9. D. 42. Ll. 2.

GARF. F. 1318. Op. 9. D. 42. Ll. 3.

Maksimov, K. N. (2018). Repressions against Buddhist clergy — bearers of national ideology and spirituality. *Caspian region: politics, economics, culture*. 3 (56). 23–29 (*in Russian*).

Muchaeva, I. I. (2026). «I want to tell the truth»: administrative-repressive and ideological vectors of the anti-Buddhist campaign in Kalmykia (1930s) in the context of microhistorical analysis. *Klio*. 3 (231). March. 171–176 (*in Russian*).

National Archive of the Republic of Kalmykia (NARK). F. R.-3. Op. 2. D. 1250. L. 3.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 509. Ll. 13–14 ob.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 509. Ll. 19.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 508a. Ll. 59 ob., 61, 61 ob.

NARK. F. P-1. Op. 1. D. 291. Ll. 66.

NARK. F. P-1. Op. 1. D. 291. Ll. 67.

NARK. F. P-1. Op. 1. D. 291. Ll. 88.

NARK. F. R.-116. Op. 1. D. 152. Ll. 6–11.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 509. Ll. 114, 114 ob., 115.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 509. Ll. 119 ob.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 509. Ll. 120.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 509. Ll. 122, 122 ob., 123.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 552. Ll. 216.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 552. Ll. 236.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 552. Ll. 19.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 552. Ll. 211.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 552. Ll. 213.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 790. Ll. 39–39 ob.

NARK. F. R.-3. Op. 2. D. 790. Ll. 40.

Ochirova, B. V. (2009). From the history of higher Buddhist philosophical academies «Choir» in Kalmykia in the first third of the 20th century. *Bulletin of Buryat State University*. 8. 48–55 (in Russian).

Omakaeva, E. U. (1994). Agvan Dorzhiev and Kalmyk pilgrims. National intelligentsia and clergy: origins and modernity: *Materials of the republican scientific conference*. Ulan-Ude. 127–128 (in Russian).